

Культура и искусство

Правильная ссылка на статью:

Сорочинский Г.Р. — Семантика и функция стел в древней архитектуре Ближнего Востока в эпоху от неолитического человека до эпического Гильгамеша и библейского Иакова // Культура и искусство. – 2023. – № 8. – С. 74 - 85. DOI: 10.7256/2454-0625.2023.8.39760 EDN: VRGJVB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39760

Семантика и функция стел в древней архитектуре Ближнего Востока в эпоху от неолитического человека до эпического Гильгамеша и библейского Иакова

Сорочинский Глеб Романович

ORCID: 0000-0002-7016-9157

магистр, преподаватель-исследователь, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Набережная, 17

✉ glebsoro@yandex.ru

[Статья из рубрики "Историческая культурология и история культуры"](#)

DOI:

10.7256/2454-0625.2023.8.39760

EDN:

VRGJVB

Дата направления статьи в редакцию:

08-02-2023

Дата публикации:

05-09-2023

Аннотация: Предметом исследования является такой феномен в культовой архитектуре ближневосточного региона (Левант, Месопотамия, Анатолия, Элам), как возведение стел. Особое внимание уделяется семантике стел, которые имели сакральное значение для древнего человека. Цель исследования заключается в выявлении основных функций и значений, характерных для такой типологической единицы в архитектуре Ближнего Востока, как стела. Актуальность исследования определяется развитием междисциплинарного дискурса в данной проблематике среди отечественных (Н. Я. Мерпет, Е. В. Антонова, А. Б. Зубов, Т. В. Корниенко, В. В. Емельянов) и зарубежных (Дж. Мелларт, К. Шмидт) учёных. Научные изыскания статьи базируются на архитектурно-онтологическом методе исследования: анализ памятников архитектуры (Гёбекли-Тепе, Невали-Чори) с выявлением типологических и композиционных особенностей, анализ литературных источников в виде сакральных текстов (Эпос о

Гильгамеше, Библия) с выявлением семантического поля значений и смыслов. Новизна исследования определяется выявлением архитектурно-онтологической роли стел в древнем зодчестве региона. В результате исследования приводится ряд основных семантических значений и функций, характерных для такой типологической единицы в архитектурной традиции Ближнего Востока, как стела. Данные выводы могут быть применены в таких областях гуманитарного знания, как история, философия, культурология, религиоведение, искусствоведение, архитектура, археология и других науках.

Ключевые слова:

стелы, архитектура Ближнего Востока, плодородный полумесяц, неолит, Гёбекли-Тепе, Невали-Чори, Эпос о Гильгамеше, категория МЕ, Библия, Вавилонская башня

Введение

На сегодняшний день известно, что территория Ближнего Востока (Левант, Месопотамия, Анатолия, Загрос) являлась первичным очагом земледелия, именуемая как «полумесяц плодородных земель» или «плодородный полумесяц». Именно там древние люди, покидая пещеры, стали переходить от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, создавая первые поселения, что ознаменовало начало неолитической революции [\[13, с. 5-6\]](#). Естественно, что данному явлению сопутствовал процесс становления монументальной архитектуры региона, что подтверждается рядом археологических открытий, в результате которых были обнаружены уникальные памятники древнего зодчества [\[15, с. 80-86; 16, с. 3-11\]](#). На данном историческом этапе возводились культовые строения и ритуальные комплексы, в архитектуре которых особое внимание уделялось стелам в виде вертикально установленных камней, что может свидетельствовать о весьма древнем происхождении такой типологической единицы в архитектуре Ближнего Востока, как стела. Более того, акт сакрализации стел был характерен и для последующих неолитических культур, а также цивилизаций Ближнего Востока: Шумер, Аккад, Вавилонское царство и другие.

Благодаря фундаментальным исследованиям таких отечественных историков и археологов, как Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерпет, Е. В. Антонова, Т. В. Корниенко, а также работам таких зарубежных учёных, как Р. Брейдвуд, К. Кеньон, Дж. Мелларт, К. Шмидт и других, мы сегодня способны анализировать архитектуру Ближнего Востока на конкретных примерах, изучать традицию региона в рамках теории архитектуры и искусства. Вместе с тем переводы древнейших текстов и научные открытия авторитетных отечественных историков-востоковедов, шумерологов И. М. Дьяконова, В. В. Емельянова на сегодняшний день определяют возможность выявления семантического поля значений и смыслов, характерных для культовой архитектуры Ближнего Востока. В результате, опираясь на научные данные ряда исследователей, были выявлены основные характеристики стел в архитектурной традиции данного региона.

Стела для неолитического человека

Согласно научным исследованиям авторитетного советского и российского археолога, историка-востоковеда Е. В. Антоновой известно, что в контексте мифологического сознания первобытного человека любой объект материального мира имел отнюдь не только утилитарное или функциональное назначение, а наделялся совершенно

«уникальным характером», то есть был онтологичен, обладал собственным бытием, некой отдельной «жизнью», имея связь с остальным миром [\[1, с. 25-28\]](#). Неслучайно поэтому, анализируя такую типологическую единицу в архитектуре как стела, уместно прежде всего обратить внимание на смыслы, запечатленные в данном образе. Пожалуй, наиболее древним прототипом стелы на Ближнем Востоке являлся вертикально поставленный камень. На сегодняшний день сложно сказать точно, когда появилась подобная традиция установки таких мегалитов (менгиров), однако благодаря археологическим изысканиям второй половины XX века на территории Леванта и Анатолии, опираясь на работы таких исследователей-востоковедов, как Дж. Мелларт, Н. Я. Мерпет, А. Б. Зубов, можно говорить о том, что в эпоху докерамического неолита (PPN – Pre-Pottery Neolithic) в данном регионе уже существовал культ камней, что подтверждается археологическими находками. Таким образом, согласно представлениям древних поселенцев, установленные бесформенные камни наделялись определённым сакральным значением, отождествляясь с неким божественным началом [\[9, с. 120; 13, с. 44; 14, с. 60, 73-74\]](#).

В результате археологических открытий второй половины XX–начала XXI века на территории Месопотамии были обнаружены уникальные архитектурные находки, наиболее значимыми из которых в контексте данного исследования являются такие памятники эпохи докерамического неолита А, В (PPNA, PPNB – Pre-Pottery Neolithic A, B), как Гёбекли-Тепе («пуп земли», «выпуклая гора») и Невали-Чори (Невалы-Чори) («долина чумы»), археологические слои которых датируются X–IX тыс. до н. э. [\[17, с. 67-68, 89-90\]](#). Данные неолитические стоянки, по всей видимости, имели существенное культовое значение для современников. Так, по мнению первооткрывателя, известного немецкого археолога и историка К. Шмидта, памятник Гёбекли-Тепе представлял собой тель, образованный целым комплексом строений со стелами (наиболее ранними из которых являются Сооружения А, В, С, D) под открытым небом (гипетральные строения), которые были воздвигнуты охотниками-собираателями для проведения культовых обрядов (рис. 1, 2) [\[11, с. 69; 17, с. 109, 243-251\]](#). Поселение Невали-Чори было представлено в целом достаточно регулярной застройкой из прямоугольных в плане жилых строений, при этом на западной его окраине на одном месте были открыты три последовательно функционировавших культовых сооружения со стелами (Строение I, II, III) (рис. 3) [\[11, с. 58-59\]](#). Для нашего исследования наиболее существенным является то, что в данных локациях были обнаружены уникальные обработанные Т-образные каменные стелы, украшенные рельефной резьбой с изображениями различных животных. Данные находки свидетельствуют о важнейшем эволюционном процессе перехода от бесформенного камня к обработанной Т-образной стеле, напоминающей скульптурное изваяние. Предполагается, что Т-образные стелы выполняли важнейшую роль вместилищ для божеств или духов, то есть представляли собой некие тотемные столбы, поэтому имели антропоморфные или зооморфные черты [\[10, с. 14-16; 11, с. 72; 17, с. 114-115\]](#). Более того, в центральной части культовых построек Гёбекли-Тепе и Невали-Чори устанавливались две главные Т-образные стелы, предположительно свидетельствующие о дуалистичности мифологического сознания древнего человека, который, например, уделял особое внимание культу плодородия (культ жизни) и культу предков (культ смерти) или делил окружающую реальность на мир «своего» (я, племя) и мир «чужого» (духи, предки, звери) [\[1, с. 66-68; 12, с. 90\]](#). Об этом так писала авторитетный российский историк-востоковед Т. В. Корниенко: «Такая символика соответствует дуалистичности мифологического сознания, бинарности как одной из основ восприятия явлений мира

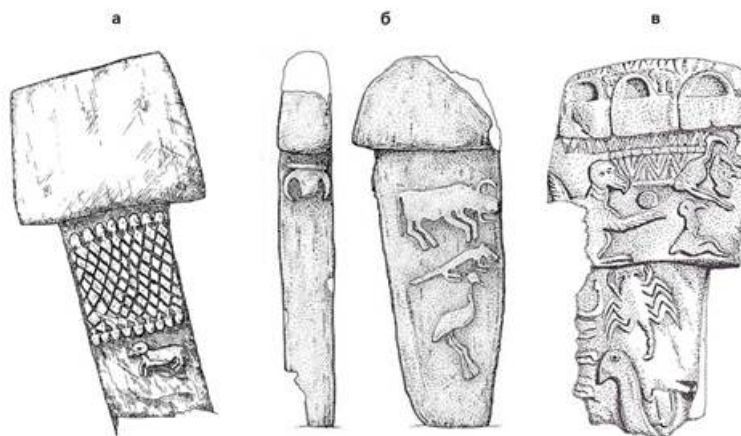

Рис. 2. Гёбекли-Тепе. Т-образные стелы:

а – Сооружение А. Столб 1, высота 3,15 м (Schmidt, 1998. Abb. 13-14);

б – Сооружение А. Столб 2, высота 3,15 м (Schmidt, 1998. Abb. 15-17);

в – Сооружение D. Столб 43 (Schmidt, 2008. Abb. 8).

Источник (статья автора): [\[15, с. 90\]](#)

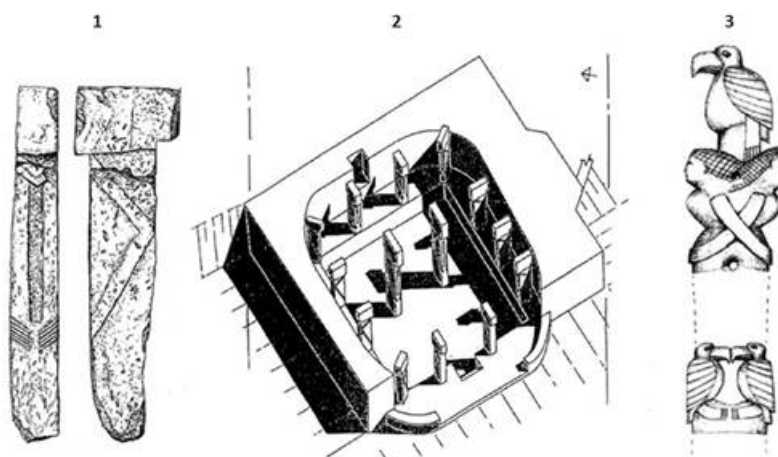

Рис. 3. Невали-Чори:

1 – стела типа Невали-Чори из Строения III;

2 – аксонометрическая реконструкция Строения III;

3 – реконструированная часть скульптурно оформленной колонны (по Х. Хауптманну и К. Шмидту).

Источник (статья автора): [\[15, с. 91\]](#)

Источник (Большая российская энциклопедия): <https://bigenc.ru/archeology/text/2651181>

Стела для эпического Гильгамеша и древних шумеров

Опираясь на современные научные открытия конца XX–начала XXI века в области изучения Ближнего Востока, можно говорить о том, что традиция установки стел

продолжила существовать в период становления и развития цивилизации Шумер в III тыс. до н. э. на территории Месопотамии, когда стелам отводилась совершенно особая сакральная роль. Во всяком случае, в данный период сохранилось значительно больше исторического материала, на который обращают внимание современные учёные. Так, ссылаясь на труды авторитетного российского востоковеда, шумеролога В. В. Емельянова, можно определить целый ряд семантических смыслов, запечатленных в образе стел. При анализе древнейшего литературного произведения «Эпос о Гильгамеше», которое начало формироваться на рубеже III–II тыс. до н. э. и окончательно было составлено во второй половине VII века до н. э. в виде XII таблиц [\[5, с. 116-117\]](#), В. В. Емельянов уделяет особое значение таблицам IV и V, где главный эпический герой произведения, правитель Урука (Унуга) Гильгамеш (Бильгамес), в результате похода устанавливает стелу в чужой стране, что весьма важно для нашего исследования. Однако, какую же функцию носил данный мистический акт для древних народов Двуречья?

Отвечая на данный вопрос, примечательным является то, что события похода эпического героя Гильгамеша в далёкие земли кедрового леса, по другим предположениям можжевелевого леса, и победа над чудовищным существом – великаном Хумбабой (Хувавой) происходили в горах на востоке, в той стороне, откуда каждый день восходил бог Солнца Уту, покровитель Гильгамеша в его подвигах [\[5, с. 56-57; 6, с. 205\]](#). Известно, что территория цивилизации Шумер была сплошь равнинная, а на востоке от неё возвышались горы Загрос, где находилась неведомая земля Элама и Аншана, которая отождествлялась с чужим мистическим и сакральным миром. Так шумерское слово «kur» означает «гора», «чужая земля» и «загробный мир» [\[6, с. 205-206\]](#). Именно на этой восточной земле после победы над великаном Хумбабой вождь Урука и верховный жрец Кулаба Гильгамеш водружает стелу, что является главной целью данного похода, осуществляя тем самым мистический ритуал установки имени или именованья, то есть акт соделывания имени, что означало прославление себя и богов, в честь которых осуществлялось это священное действие [\[5, с. 56\]](#). Более того, водружение стелы означало ещё и подчинение данного пространства, а также искоренение окружающего зла в виде великана Хумбабы, то есть экспансию территории и одновременно её очищение, что также можно определить как распространение власти и консекрационный обряд [\[6, с. 209\]](#). Важным является то, что в результате похода и установки стелы жрец-вождь Гильгамеш как первый человек в мировой письменной традиции заявляет о себе «Я» и пытается осмыслить собственное «Я» в контексте окружающей его реальности, понимая собственную смертность, тленность во времени, именно тут и возникает философская проблема «Я и Мир» [\[5, с. 65\]](#). Таким образом, ищущий бессмертия и борющийся со временем смертный Гильгамеш, устанавливая стелу, обеспечивал тем самым бессмертие своему имени. При этом стела одновременно являлась носителем информации о былых и славных временах, героических подвигах, она сохраняла память, то есть увековечивала не только имя, но оберегала и защищала память об этом имени, так герой Гильгамеш после упокоения должен был остаться в памяти будущих поколений [\[6, с. 89, 207-208, 228\]](#). Подобным образом поступали многие правители Месопотамии, увековечивая себя и свои подвиги на стелах. Одновременно с этим надпись имени на погребальной стеле, согласно представлениям древних народов Двуречья, являлась необходимым условием обеспечения загробной жизни, так как посредством молитв-жертв осуществлялось загробное кормление умершего владельца именной стелы в Подземном мире [\[6, с. 208\]](#). По сути своей стелы, будучи напрямую связанными с культом жизни (культом плодородия) и культом смерти (культом предков), являлись некими

материальными маркерами-точками за пределами времени человеческой жизни.

И, наконец, стоит затронуть такую наиважнейшую категорию мироощущения древних народов Двуречья, как категория МЕ, которая имеет место быть в поле нашего научного дискурса [7, с. 40-41]. Об этом так писал авторитетный исследователь В. В. Емельянов: «Категория МЕ является одной из самых сложных и многоаспектных проблем в шумерологии.» [7, с. 50]. Ссылаясь на работы учёного, мы лишь укажем некоторые единичные смыслы, связанные с этой категорией в контексте нашего исследования. Итак, МЕ есть пространственно-временная категория, выраженная как «воля к бытию» или «воля к проявлению», то есть момент перехода от потенциального к актуальному и от сущности к форме предмета, одновременно это и «силы», и «идеи», и «энергии», связанные с проблемой первичного самоопределения «Я и Мы» [7, с. 72-73]. По словам В. В. Емельянова: «МЕ выражают неосознанное стремление предмета заявить о себе, проявиться, закрепить себя в пространстве и времени посредством самоидентификации в образе и слове, вырваться из мрака неизвестности и несуществования.» [7, с. 70]. МЕ можно интерпретировать как стремление формы к самоопределению, связанное с жизнью, силой, желанием, мужским началом, словом, образом, законом, при этом, что весьма важно, с формой предмета, с его вертикальной ориентацией (вертикализм) [7, с. 64, 70, 175]. То есть это источник, некая внутренняя сила или энергия, благодаря которой возможны и жизнь, и власть, и слава, и закон, которая находясь в динамике, может преумножаться и, напротив, убывать [7, с. 88]. По сути своей МЕ это первоэлемент, на основе которого создаётся материальный объект [7, с. 82]. Обладают МЕ как мужские, так и женские божества, а местом наибольшей концентрации МЕ являются как Небо, так и Подземный мир, в мире смертных же главным местом локализации МЕ считались храмы или святилища, а точнее говоря, их престолы. Как пишет об этом В. В. Емельянов: «Два основных места первоначального сосредоточения МЕ – область неподвижных звёзд и глубины подземных источников... В мире срединном, обитаемом средоточие МЕ – храм или святилище.» [7, с. 81]. Таким образом, стоит понимать следующее: храм – это «дом МЕ», а «МЕ храма – это прежде всего МЕ его престола», а «МЕ престола – это МЕ царя» [7, с. 81-82]. Более того, автор проводит сравнительный анализ МЕ с иными онтологическими категориями, которые существовали в древних религиях и философии, в результате чего обнаруживаются явные сходства МЕ с такими понятиями, как «мана», «платоновская идея – ейдос (εἶδος)» и частично «Логос (λόγος)», но при этом подчёркивается явное отличие МЕ в том, что данная категория напрямую зависит от пространства и времени храмового культа, без которого и вне которого МЕ не существует [7, с. 180-186]. В результате мы можем говорить о некоторой имманентности сил МЕ в мире людей, которые необходимо было постоянно поддерживать во времени и обновлять в культовом пространстве путём проведения сакральных ритуалов и обрядов посредством жертв. И, наконец, опираясь на всё вышеизложенное, можно задаться вопросом, имеются ли МЕ в образе стел? Так обращаясь к тексту «Смерть Гильгамеша» мы находим окончательный ответ на этот вопрос в строках, адресованных богами правителю Урука Гильгамешу (GD, Tell-Haddad F, 10–18): «После того как все пути ты изведal, кедр, ценное древо, с гор его вывел, Хуваву в лесу его убил, установив на вечные времена, на постоянные МЕ стелу, на (вечные) дни – храмы богов, Зиусудры в его жилище ты достиг, МЕ Шумера, которые были забыты навсегда, советы, обряды в Страну вернул (?), обряды омовения рук, омовения уст в порядок привел...» [7, с. 225]. Таким образом, опираясь на древние тексты, можно говорить о несомненном наличии МЕ в образе стел, другими словами, стелы, по представлениям древних народов Двуречья,

выполняли роль неких сосудов, где концентрировались созидательные силы МЕ.

Стела для библейского Иакова и Вавилонская башня

Данная традиция также нашла своё отражение значительно позднее в библейском тексте об Иакове, которому было видение лестницы во сне, восходящей к Истинному Богу, данное место было наречено именем Вефиль («Дом Божий») и обозначено установкой камня-памятника, но не идола, а Столпа Истины, символизирующего грядущего Помазанника Господа Христа Спасителя, при этом одновременно акт возведения камня утверждал закон между Иаковом и Богом о десятине (Быт. 28:18–22) [\[3, с. 236-239\]](#):

18 И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником, и возлил елей на верх его.

19 И нарек [Иаков] имя месту тому: Вефиль, а прежнее имя того города было: Луз.

20 И положил Иаков обет, сказав: если [Господь] Бог будет со мною и сохранит меня в пути сем, в который я иду, и даст мне хлеб есть и одежду одеться,

21 и я в мире возвращусь в дом отца моего, и будет Господь моим Богом, –

22 то этот камень, который я поставил памятником, будет [у меня] домом Божиим; и из всего, что Ты, Боже, даруешь мне, я дам Тебе десятую часть.

Также стоит вспомнить библейский текст о Вавилонской башне, где люди, пребывая в гордыне, вознамерились выстроить город и башню, дабы прославить себя, словно древний Гильгамеш сделать себе имя, но без Бога, что позволяет отождествить стелу с башней, после чего люди были рассеяны Господом по всей земле (Быт. 11:1–9) [\[2, с. 206-211\]](#):

1 На всей земле был один язык и одно наречие.

2 Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там.

3 И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.

4 И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли.

5 И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

6 И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать;

7 сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

8 И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню].

9 Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Таким образом, на протяжении различных исторических эпох на территории Ближнего Востока установка стелы считалась сакральным актом, схожесть подобных обрядов как по форме, так и по содержанию может свидетельствовать о единстве мировоззренческих представлений древних народов как в рамках общей ближневосточной мифологемы, так

и в контексте архитектурной традиции региона. Однако, несмотря на это, для современного учёного едва ли возможно точно определить и раскрыть метафизическую сторону данного явления без духовного опыта, то есть исследовать вопрос не по букве, а по духу, что лежит в иной плоскости познания и не описывается научной методологией.

Выводы

В результате проведённого исследования нельзя утверждать об исчерпанности данной темы, но вместе с тем можно выявить ряд основных семантических значений и функций, которые выполняла такая типологическая единица в архитектуре Ближнего Востока, как стела в виде вертикально установленного камня:

Неолит:

- вместилище для божеств-покровителей, духов, предков-прародителей;
- олицетворение дуалистичности, бинарности, дихотомии первобытного мифологического сознания (для парных стел);
- иерархия или пантеон богов (духов), связь с астральным миром, место наблюдения за небесными телами в виде древней обсерватории или первобытного календаря (для периметрально установленных стел);
- граница зонирования и врата между пространствами (для парных стел);
- потенция, мужское начало (культ плодородия – культ жизни);
- оберег, защита (охранительная роль), ограда и охрана границ (для периметрально установленных стел).

Эпос о Гильгамеше:

- соделывание имени (прославление себя и богов);
- идентификация места, подчинение и экспансия пространства (распространение власти);
- искоренение зла и очищение пространства (консекрационный обряд);
- заявка о себе «Я», познание себя (философская проблема «Я и Мир», «Я и Мы»);
- носитель информации, сохранение памяти о прошлом (бессмертие имени и изображения во времени);
- погребальная роль, обеспечение загробной жизни умершего, загробное кормление души посредством молитв и жертв (культ предков – культ смерти);
- связь с культом жизни и культом смерти в качестве материальных объектов, выходящих за рамки человеческой жизни, находящихся вне её времени;
- вместилище или сосуд для концентрации божественных и созидательных сил МЕ (МЕ – воля к бытию).

Библия:

- Столп Истины, образ Господа Спасителя;

- установление закона-завета с Богом;
- проявление гордыни, отождествление с образом Вавилонской башни.

Библиография

1. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984.
2. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Том I: Книга Бытия 1–11 / Пер. с англ., греч., лат., сир. Под ред. Эндрю Лаута в сотрудничестве с Марко Конти / Русское издание под ред. К.К. Гаврилкина. Тверь: Герменевтика, 2004.
3. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Том II: Книга Бытия 12–50 / Пер. с англ., греч., лат., сир. Под ред. Марка Шеридана / Русское издание под ред. Ю.Н. Варзониной и С.С. Козина. Тверь: Герменевтика, 2005.
4. Бондарчук Я.В. Эволюция культа божеств-близнецов и ее отображение в искусстве Древнего мира // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. Вопросы теории культуры. 2020. Вып. 59. С. 124-138.
5. Емельянов В.В. Гильгамеш. Биография легенды. М.: Молодая гвардия, 2015.
6. Емельянов В.В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб.: Петербургское Востоковедение (Orientalia), 1999.
7. Емельянов В.В. Шумерский календарный ритуал (Категория МЕ и весенние праздники). СПб.: Петербургское Востоковедение (Orientalia), 2009.
8. Зильберман М.И. Некоторые культовые представления эпохи палеолита // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. Вып. 2. С. 47-77.
9. Зубов А.Б. История религий. Книга первая: Доисторические и внеисторические религии. Курс лекций. М.: Планета детей, 1997.
10. Корниенко Т.В. К вопросу об интерпретации стел культовых комплексов в Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Том 46, № 4. С. 13-21.
11. Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху / Отв. ред. Н.Я. Мерпет. СПб.: Алетейя, 2006.
12. Корниенко Т.В. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // Археологические вести. 2011. Вып. 17. С. 70-95.
13. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. и комментарий Е.В. Антонова; предисл. Н.Я. Мерпет. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982.
14. Мерпет Н.Я. Очерки археологии библейских стран. М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2000.
15. Сорочинский Г.Р. Формирование ритма чередующихся пилястр и ниш в культовой архитектуре Месопотамии // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. Вопросы теории культуры. 2021. Вып. 59. С. 80-93.
16. Сорочинский Г.Р. Эволюция объёмно-планировочной структуры древних строений в архитектуре Леванта // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. Проблемы развития зарубежного искусства. 2022. Вып. 61. С. 3-15.

17. Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе / Пер. с нем. А.С. Пашенко; отв. ред., прим. и послесл. Т.В. Корниенко. СПб.: Алетейя, 2011.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Культура и искусство» автор представил свою статью «Семантика и функция стел в древней архитектуре Ближнего Востока в эпоху от неолитического человека до эпического Гильгамеша и библейского Иакова», в которой проведено исследование особенностей применения стел в древних строениях и комплексах на территории Ближнего Востока.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что началу неолитической революции сопутствовал процесс становления монументальной архитектуры. На данном историческом этапе возводились культовые строения и ритуальные комплексы, в архитектуре которых особое внимание уделялось стелам в виде вертикально установленных камней, что, как замечает автор, может свидетельствовать о весьма древнем происхождении такой типологической единицы в архитектуре Ближнего Востока, как стела. Автор отмечает сакрализацию стел в неолитических культурах и цивилизациях Ближнего Востока: Шумер, Аккад, Вавилонское царство.

К сожалению, в статье отсутствует материал по актуальности, научной новизне и цели исследования. Методологическую базу исследования составил комплексный подход, включающий семантический, социокультурный и исторический анализ. Теоретической базой послужили труды таких отечественных и зарубежных исследователей как Е.В. Антонова, Т.В. Корниенко, К. Кеньон, Дж. Мелларт, К. Шмидт и других. Эмпирическим материалом выступили образцы стел, найденных при раскопках в исторических регионах Ближнего Востока.

Проведя библиографический анализ изучаемой проблематики, автор отмечает достаточное количество научных исследований, позволяющих анализировать архитектуру Ближнего Востока на конкретных примерах, изучать традицию региона в рамках теории архитектуры и искусства, а также выявить семантические поля значений и смыслов, характерных для культовой архитектуры Ближнего Востока. В результате анализа научных данных ряда исследователей, автором были выявлены основные характеристики стел в архитектурной традиции данного региона.

Автор подразделил изучаемые стелы на три основные категории: стела для неолитического человека, стела для эпического Гильгамеша и древних шумеров, стела для библейского Иакова и Вавилонская башня.

Опираясь на исследования советского и российского археолога, историка-востоковеда Е. В. Антоновой, автор отмечает мифологический характер мышления первобытного человека, в соответствии с которым каждый предмет материального мира имел не только функциональное, но и сакральное значение. Так, вертикально поставленные бесформенные камни, прототипы стел, наделялись определенным сакральным значением, отождествляясь с неким божественным началом. Автор детально анализирует памятник эпохи докерамического неолита Гёбекли-Тепе. Согласно мнению автора, установленные Т-образные стелы как главные демиургические образы (Великие Мать и Отец) могли быть вратами, маркирующими священное пространство. Также, опираясь на мнение Т. В. Корниенко, автор полагает, что некоторые доисторические стелы наделялись охранительной функцией, выполняли символическую функцию

защитных берегов.

Опираясь на современные научные открытия конца XX–начала XXI века в области изучения Ближнего Востока, автор говорит о том, что традиция установки стел продолжила существовать в период становления и развития цивилизации Шумер в III тыс. до н. э. на территории Месопотамии, когда стелам отводилась совершенно особая сакральная роль. Ссылаясь на труды авторитетного российского востоковеда, шумеролога В.В. Емелянова, автором определен целый ряд семантических смыслов, запечатленных в образе стел. Взяв на основу древний текст «Эпос о Гильгамеше», автором выделены следующие сакральные смыслы, которыми древние шумеры наделяли водружение стелы в определенных местах, а именно подчинение данного пространства, а также искоренение окружающего зла; увековечение героических подвигов. Опираясь на древние шумерские тексты, автор констатирует наличие МЕ в образе стел: стелы, по представлениям древних народов Двуречья, выполняли роль неких сосудов, где концентрировались созидательные силы МЕ.

Традиция сакрального смысла водружения стел проанализирована автором и в библейских сюжетах, например, установка Иаковом камня-памятника как столпа истины. При этом одновременно акт возведения камня утверждал закон между Иаковом и Богом о десятине.

Проделав детальный анализ, автор приходит к выводу о том, что на протяжении различных исторических эпох на территории Ближнего Востока установка стелы считалась сакральным актом, схожесть подобных обрядов как по форме, так и по содержанию может свидетельствовать о единстве мировоззренческих представлений древних народов как в рамках общей ближневосточной мифологемы, так и в контексте архитектурной традиции региона.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение уникальной культуры определенных народов в определенные исторические периоды, его материального и духовного культурного наследия представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 17 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Автор получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.